

MNEMON

**Investigations and Publications on the History
of the Ancient World
Established by Ed. Frolov**

**Issue 22
No. 1–2**

**St. Petersburg
2022**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Основан профессором Э. Д. Фроловым**

**Выпуск 22
№ 1–2**

**Санкт-Петербург
2022**

Приёмы аргументации и способы воздействия на судей в первой речи Антифонта

Золотарева, Варвара Алексеевна — студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет, кафедра классической филологии; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11; e-mail: st075758@student.spbu.ru, varvaraditya@gmail.com.

В древнегреческой судебной риторике важную роль играла способность оратора произвести на слушателей нужное впечатление и вызвать у них эмоциональный отклик. В некоторых случаях риторические приёмы действуют в судебных речах наравне с фактическими доказательствами. В этой статье рассматривается первая речь Антифонта, «Обвинение мачехи в отравлении». Автор анализирует приёмы, используемые Антифонтом, с точки зрения их эмоционального воздействия на судей, и приходит к выводу, что, несмотря на слабость фактического обоснования, позиция обвинения в этой речи может произвести впечатление убедительной. Недостаток прямых доказательств компенсируется силой эмоционального воздействия, которым обладают риторические приёмы Антифонта.

Ключевые слова: Антифонт, судебная риторика, риторические приёмы, обвинение, πίστεις ἄτεχνοι, πίστεις ἐτεχνοι.

Rhetorical Devices and Methods of Evoking an Emotional Response from the Judges in Antiphon's First Speech

Zolotaryova, Varvara Alexeevna — student, St. Petersburg State University, Faculty of Philology; 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: st075758@student.spbu.ru, varvaraditya@gmail.com.

In judicial rhetoric of Ancient Greece an important role was played by the speaker's ability to impress the audience and evoke an emotional response from them. In some cases, rhetorical devices act in court speeches on a par with factual evidence. This article deals with Antiphon's first speech, "The Accusation of the Stepmother for Poisoning." The author analyzes the methods used by Antiphon in terms of their emotional impact on the judges, and concludes that despite the weakness of the factual justification, the position of the prosecution in this speech can give an impression of being convincing. The lack of direct evidence is compensated by the power of emotional impact that Antiphon's rhetorical devices possess.

Keywords: Antiphon, judicial rhetoric, rhetorical devices, accusation, πίστεις ἄτεχνοι, πίστεις ἐτεχνοι.

От Антифонта до нас целиком дошли три судебные речи: «Обвинение мачехи в отравлении», «Об убийстве Герода» и «О хоревте». Эта статья посвящена первой из них, единственной в этом ряду обвинительной речи. Исследование этого текста позволяет сделать выводы не только о творчестве Антифонта как логографа, но и об истории древнегреческой риторики вообще.

Аристотель делил доказательства в судебных речах на прямые (*πίστεις ἄτεχνοι*, буквально «безыскусные доказательства») и косвенные (*πίστεις ἔτεχνοι*, буквально «искусные доказательства»). К первым он относил (Arist. *Rhet. A.2* 1335 b 35–36) свидетельские показания свободных людей (*μαρτυρία*), показания рабов, полученные в ходе допроса под пыткой (*βάσανος*) и клятвы, данные участниками судебного процесса (*ὄρκοι*). Косвенные доказательства — это аргументы, основанные не на фактах, а на рассуждении, на логических построениях говорящего. Фридрих Зольмзен пытался доказать, что в речах Антифонта аргументация строится в основном на *πίστεις ἄτεχνοι*, поскольку искусство косвенного доказательства ещё не было в достаточной степени развито и освоено¹. Анализ первой речи Антифонта позволяет убедиться, что это совсем не так. Напротив, в этом случае Антифонт, составлявший текст выступления для обвинителя, по-видимому, не располагал какими-либо фактическими доказательствами, и тем не менее ему удалось написать речь, которая, как кажется, вполне могла привести к благополучному для его клиента исходу дела (Виламовиц считал эту речь Антифонта лучшей из всех дошедших до нас²). В речи «Обвинение мачехи в отравлении» можно наблюдать использование нескольких риторических приёмов доказательства, каждый из которых влияет на структуру речи. Сама структура, кстати, тоже отличается от классической, и это нарушение Антифонтом привычного строения можно в равной степени считать приёмом убеждения, как будет показано ниже. Главный инструмент Антифонта — эмоциональное воздействие на слушателей. Лишённый возможности опереться на фактические доказательства, он стремится, тем не менее, убедить судей в правоте своего клиента, и все доступные ему приёмы косвенной аргументации, все использованные им риторические средства служат этой цели.

Прежде чем приступить к анализу риторических приёмов Антифонта, следует кратко изложить обстоятельства дела. Речь произносит молодой человек, видимо, совсем недавно достигший совершеннолетия. Он обвиняет свою мачеху в том, что она за несколько лет до того подстроила отравление его отца. Защитником обвиняемой выступает её сын, единокровный брат истца. Скорее всего, обвинитель был незаконным сыном, который появился на

¹ Solmsen 1931, 6–7.

² Wilamowitz 1887, 209.

свет, когда его отец состоял в браке с обвиняемой³. Истец описывает произошедшее так: его отец дружил с неким Филонеем; у этого Филоней была наложница, по-видимому, рабыня, которую он собирался отправить в публичный дом. Утратив любовь своих мужчин, наложница Филоней и мачеха обвинителя сблизились (1, 14). Однажды отец обвинителя и его друг отправились в Пирей: отец должен был оттуда отплыть по делам своей торговли, а Филоней намеревался там принести жертву Зевсу Ктесию. Они решили, что в Пирее вместе совершат жертвоприношение, а потом пообедают в доме Филоней. Наложница Филоней сопровождала их (1, 16). По словам обвинителя, его мачеха убедила свою подругу подлить обедающим в вино некое снадобье, якобы способное возродить былую любовь, одному к наложнице, другому — к жене; на самом же деле это было вовсе не приворотное зелье, а яд (1, 19). Когда мужчины выпили вино, Филоней скончался сразу же, а отец обвинителя тяжело заболел и на двадцатый день тоже умер (1, 20); однако перед этим он успел сказать сыну, чтобы тот отомстил мачехе (1, 30), которая не так давно уже была поймана при попытке отравить мужа (1, 9).

Так обвинитель представил судьям обстоятельства дела. Само изложение событий в речи, разумеется, тоже является инструментом убеждения и призвано склонить слушателей на сторону произносящего речь. Интересно, однако, что в этом случае Антифонт расположил *narratio* не в начале речи, как можно было ожидать, а в середине, после изложения аргументов. Как я надеюсь показать, такая композиция используется Антифонтом для того, чтобы общее эмоциональное воздействие на судей оказалось значительнее, чем слабое фактическое основание каждой части речи в отдельности.

Самое начало речи уже должно было произвести на слушателей значительное впечатление. Обвинитель начинает с того, что просит присутствующих быть снисходительными к его неопытности в судебных делах (1, 1). Такой зачин был общим местом: с него же начинается, к примеру, и речь Антифонта «Об убийстве Герода», где обвиняемый говорит как о своей неопытности в судебных делах, так и о неумении говорить красноречиво (5, 1–5). Это общее место можно назвать топосом неумелого оратора, неискусшенного в судебных делах. Т. В. Кудрявцева и В. К. Хрусталёв в посвящённой античному судопроизводству книге приводят перечень мест в речах разных ораторов, где используется этот топос. О реакции слушателей на красноречие они замечают следующее: «Среди судей, как и вообще среди афинян, было укоренено представление о том, что искусный, особенно прошедший специальное обучение вития может обмануть аудиторию, сбить её с толку, заставить неправильно проголосовать. Однако это предубеждение не мешало судьям пред-

³ Подробнее см. Thiel 1927, 322–323.

вкушать и получать наслаждение от мастерски произнесённой речи, и не в интересах оратора было разочаровывать их»⁴.

Затем юноша подчёркивает неестественность своего положения: ему приходится выступать в суде против единокровного брата и мачехи. Вступительная часть кончается обращённым к судьям заявлением, которое не могло не вызвать у них сочувствия: «Вы моя родня; ведь те, кому должно было стать мстителями за умершего, а мне помощниками, стали для умершего убийцами, мне же — соперниками. К кому же обратиться за помощью, где найти прибежище, кроме как у вас и у правосудия?» (1, 4).

Упомянув во вступлении, что его брат предпочёл не искать справедливого возмездия за смерть отца, а защищать убийцу, обвинитель далее начинает развивать эту мысль и таким образом переходит сразу к аргументации. Приведу начало этого раздела речи: «Я, в самом деле, удивляюсь и брату: какая мысль побудила его стать моим противником в суде? Считает ли он, что в этом и состоит благочестие, именно в том, чтобы не выдавать свою мать? По моему суждению, гораздо нечестивее поступает тот, кто пренебрегает мщением за умершего, тем более что тот ушёл из жизни против своей воли, как жертва заранее составленного умысла, а она его по заранее составленному плану умышленно умертвила. И мой брат не сможет сказать, будто он совершенно убеждён, что его мать не убила нашего отца: когда у него была возможность точно это установить, прибегнув к допросу под пыткой, он не захотел ей воспользоваться...» (1, 5–6). Далее следует рассказ о том, как обвинитель предлагал брату, чтобы тот выдал ему своих рабов для допроса под пыткой, но сторона защиты отказалась от такого способа доискаться до истины. Мы помним, что *βάσανος* — это один из видов безыскусного доказательства. Допроса не было, так что Антифонт не мог использовать *πίστις ἄτεχνος*, однако он применяет факт отказа противников от этой процедуры как доказательство косвенное. Логические построения вокруг того, что брат отказался выдать своих рабов для допроса под пыткой являются центральной линией риторического доказательства в этой речи: у судей должно было сложиться впечатление, будто этот допрос выявил бы, как всё было на самом деле, но, раз защитник уклонился от такой возможности, значит, он вовсе не уверен в своей правоте, а, может, даже и наверняка знает, что показания рабов подтвердят виновность его матери в убийстве. Однако из последующего рассказа обвинителя мы заключаем, что никто из прислуги не мог быть свидетелем ни сговора мачехи с наложницей Филонея, ни тем более исполнения замысла в Пирее. Единственное, о чём могли бы рассказать рабы — это о предыдущих попытках мачехи подмешать мужу какое-то снадобье; но такие показания не

⁴ Kudryavtseva, Chrustalyov 2022, 94.

стали бы решающими в деле об убийстве, потому что сама мачеха утверждала, что пыталась супруга не отравить, а приворожить, и вряд ли было возможно, в том числе допросив прислугу, установить доподлинно, ждёт она или нет (1, 9). Таким образом, если опираться исключительно на факты, отказ брата от *βάσανος* нельзя признать убедительным свидетельством в пользу обвинителя. Однако то, как Антифонт подаёт этот аргумент в своей речи, как воздействует на эмоции слушателей, заставляет воспринимать эту цепочку рассуждений как весомое и даже ключевое доказательство. Этому доводу Антифонт посвящает значительную часть речи, с 6 по 13 параграф. На мой взгляд, это блестящий пример того, как Антифонт выстраивает убедительную аргументацию, не имеющую почти никакого фактического подкрепления. Этот раздел речи начинается с того, что обвинитель обращается к религиозным чувствам судей, говоря о благочестии и о праведном мщении за безвинно лишённых жизни (1, 5). В. Шмид пишет: «Оратор (в речах Антифонта — В. З.) пытается произвести на суд впечатление честного, благочестивого человека, убеждённого в божественной справедливости, <...> и выставить своего оппонента в невыгодном свете»⁵. Более того, в данной речи рассуждение о мести мачехе за убийство её мужа, а для обвинителя — отца, должно было вызвать у слушателей ассоциации с «Эвменидами» Эсхила (у нас ещё будет возможность увидеть, как Антифонт побуждает судей сравнить обвинителя с Орестом).

Далее Антифонт подчёркивает, что брат обвинителя никак не может быть уверен в невинности своей матери, поскольку сам отказался от способа убедиться в этом (1, 6—7); чуть дальше он сделает вывод, что, следовательно, и клятва, которую брат принёс в суде, ложная: как можно клясться в невинности матери, одновременно избегая установления истины (1, 8)? Так Антифонт пытается лишить силы следующий вид прямого доказательства, *ῥκος*, опровергая его с помощью косвенного аргумента.

Следующий выпад — это риторический приём, названный Ф. Зольмзенем⁶ «*hypothetischer Rollentausch*», т.е. гипотетическая перемена ролей: «Если бы мои противники, придя ко мне, как только они узнали, что я собираюсь предъявить обвинение убийце моего отца, согласились предоставить мне своих рабов для допроса под пыткой, а я не согласился бы этих рабов принять, сам этот факт стал бы самым сильным доказательством того, что они невиновны в убийстве. Теперь же, так как это я — тот самый человек, который сначала пожелал сам провести этот допрос и который затем предлагал им самим допросить рабов вместо меня, очевидно, это должно быть для

⁵ Schmid 1940, 114–115.

⁶ Solmsen 1931, 10.

меня доказательством их виновности в этом убийстве» (1, 11). Снова Антифонт выдаёт умозрительные построения за неоспоримый факт, пытаясь заставить слушателей принять косвенное доказательство за очевидную истину. Мы, пожалуй, согласимся с тем, что, если бы сторона защиты сама инициировала процедуру *βάσανος*, это послужило бы веским доказательством правдивости их слов. Приём гипотетической смены ролей заставляет слушателей противопоставить этой предполагаемой ситуации реальность, в которой защитники отказались от предложения обвинителя, и на этом основании сделать вывод, что правда именно на стороне обвинения: «Ведь он (единокровный брат обвинителя — В.З.) отлично знал, что после допроса рабов под пыткой ей (мачехе обвинителя — В.З.) будет не спастись, и полагал, что её спасение заключается в том, чтобы допроса не было; они (оба единокровных брата обвинителя — В.З.) думали, что таким образом действительное будет скрыто» (1, 8). На самом деле, как мы уже могли понять, допрос рабов, если бы и случился, не стал бы для обвиняемой неминуемым приговором, потому что, вероятнее всего, ничего существенного для дела они не смогли бы сообщить. И. Тиль характеризует это место в речи как *lubrica*⁷, т.е. «скользкое», и с таким определением трудно не согласиться. Весь раздел *argumentatio* строится на предположении, что отказ защиты от *βάσανος* объясняется её стремлением избежать неминуемого доказательства виновности мачехи. Такое умозаключение нельзя признать основательным. Тем не менее, как я считаю, безосновательность незначительно ослабляет внешнюю убедительность речи Антифонта: его приёмы эмоционального воздействия компенсируют отсутствие прямых доказательств. Анализируя речь, важно помнить, что у судей Ареопага не было возможности вдумчиво перечитывать текст выступления той или иной стороны, замечая все манипуляции оратора — они единожды воспринимали всю речь на слух, и впечатление, которое у них оставалось после её завершения, определяло исход дела. Вот что об этом пишет И. Тиль: «А так как позже он (Тиль имеет в виду обвинителя в первой речи Антифонта — В.З.) приведёт лишь подобие доказательства, то по этой самой причине он в начале речи столь веско заявил, что докажет вину подсудимой⁸, поступая так, очевидно, с тем, чтобы судьи прежде всего запомнили его весомые слова и, напротив, не смогли проследить за уловками извилистых доводов и по той самой причине, что он обещал представить доказательства, поверили, что его доводы основаны на истине»⁹.

⁷ Thiel 1928, 82.

⁸ «Должно же вам, о мужи, если я докажу, что их мать убила нашего отца умышленно и по заранее составленному плану, и что она не единожды, но неоднократно была поймана с поличным при подготовке его убийства, во-первых, отомстить за свои законы, <...> а во-вторых, помочь и убитому, и мне, ведь я остался один» (1, 3)

⁹ Thiel 1928, 83.

Это замечание не менее значимо и для оценки следующего раздела речи, *narratio*. Обычно при изложении обстоятельств дела выступающий в суде привлекает свидетелей; читая другие судебные речи, в том числе и самого Антифонта, мы регулярно встречаем вставки ΜΑΡΤΥΡΕΣ, предваряемые формулой τοῦτων δ' ἑμὶν τοὺς μάρτυρας παρέξομαι (5, 20) и подобными ей. В речи «Обвинение мачехи в отравлении» отсутствуют ссылки на свидетельские показания, так как никаких свидетелей произошедшего, очевидно, обвинение не смогло представить: участники событий, которых упоминает обвинитель — это его отец и Филоней, оба покойные, наложница Филоней, тоже лишённая жизни, и обвиняемая. Здесь важно отметить, что наложница Филоней, когда её допрашивали, видимо, призналась в том, что подмешала зелье в вино, однако даже под пыткой не назвала мачеху обвинителя подстрекательницей. Мы знаем наверняка, что наложницу допрашивали, признали виновной в отравлении и казнили (1, 20), но обвинитель ни слова не говорит о том, что именно она сообщила под пыткой. Это можно считать косвенным подтверждением того, что она не указала на мачеху как на причастную к преступлению. И. Тиль пишет об этом: «Если бы рабыня действительно назвала мачеху подстрекательницей, что, я спрашиваю, могло бы заставить обвинителя умолчать об этом важном свидетельстве и вместо этого пространно повторять уже приведенный и крайне слабый довод о рабах своих противников для доказательства того, о чём уже сообщила в своих показаниях наложница?»¹⁰. Д. Хоффман, анализируя первую тетралогия Антифонта, рассматривает такой логический довод: если с убитых не были сняты гиматии, следовательно, целью убийства не мог быть грабёж; на основании этого он формулирует понятие «отсутствие знака как знак»¹¹. Мне кажется, это понятие может быть применено при анализе речи «Обвинение мачехи в отравлении». То, что Антифонт, не располагая никакими фактическими доказательствами, полностью опускает показания, полученные в ходе допроса наложницы, свидетельствует, что они могли только ослабить позицию его клиента. Антифонту нужно отвлечь судей от того факта, что исполнительница под пыткой, очевидно, не обвинила мачеху в составлении замысла, и переключить их внимание. Для этого он снова прибегает к эмоциональному воздействию. Подробный рассказ о том, как отец обвинителя и Филоней планировали путешествие, совершали в Пирее все положенные обряды и т.д. создаёт выгодный фон для того, чтобы обвинитель так же подробно изложил разговоры мачехи и наложницы — разговоры, которым ни он сам, ни кто-либо другой очевидно не мог быть свидетелем. Тем не менее, он преподносит их как нечто достоверно из-

¹⁰ Thiel 1927, 327.

¹¹ Hoffman 2008, 12.

вестное: «Узнав, что Филоней намеревается несправедливо поступить со своей наложницей, мачеха посылает за ней, и, когда та приходит, говорит ей, что и сама терпит обиды от нашего отца. Она сказала, что, если та пожелает последовать её указаниям, она сможет вернуть ей любовь Филоней, а себе самой — любовь моего отца, что на себя она берёт изыскать средства для этого, а той надлежит привести замысел в исполнение» (1, 15). В течение всего раздела *narratio* обвинитель подчёркивает, что, хотя яд в вино подлила наложница, настоящей виновницей всё-таки является его мачеха, поскольку именно она задумала преступление и подтолкнула другую к его совершению. Это, судя по всему, должно было предотвратить возражения судей или стороны защиты, что убитый уже отомщён. Здесь же обвинитель называет мачеху Клитемнестрой (1, 17), используя имя известной мужеубийцы и побуждая судей ассоциировать его с Орестом, чтобы они признали его желание отомстить мачехе законным и справедливым. М. Гагарин считает, что в этом разделе речи Антифонт прежде всего доказывает не наличие у мачехи намерения убить мужа, а сам факт действия, приведшего к смерти (т.е. обвинителю не так важно опровергнуть уверения мачехи в том, что она на самом деле собиралась только приворожить мужа)¹². Однако я полагаю, что для Антифонта главной задачей было убедить судей именно в спланированности убийства. Он несколько раз подчёркивает, что мачеха заранее составила преступный умысел, исполнение которого привело к смерти его отца (1, 3; 5; 22; 27).

Итак, главный вывод *narratio* таков: настоящая преступница не наказана, умерший не отомщён. После изложения событий следует самый эмоциональный раздел речи, *amplificatio* (1, 21–27). Он составлен из риторических построений, апеллирующих к религиозным чувствам судей. В. Шмид приводит перечень религиозных мотивов, которые можно выделить в речах Антифонта; так, в первой речи он выделяет мотив почитания законов, установленных богами и предками (1, 27), мотив того, что судьи и боги стоят бок о бок (1, 20), мотив подземных божеств как мстителей за убийство (1, 31)¹³. Основным приёмом Антифонта в этом отрезке является противопоставление позиций обвинения и защиты: «Посмотрите, о сколь более справедливым, чем просит мой брат, прошу вас я» (21). Обвинитель убеждает судей, что его позиция благочестива с точки зрения обычаев, морали, человеческих и божественных законов, а его брат просит их эти законы преступить — помиловать убийцу, оставить злодеяние неотомщённым. Оратор призывает судей неукоснительно соблюдать благочестие и справедливость: «Кого должно больше жалеть, убитого или убийцу? Я думаю, что убитого: ведь тогда

¹² Gagarin 2002, 151.

¹³ Schmid 1940, 115.

вы и в глазах богов, и в глазах людей будете действовать справедливее и благочестивее» (1, 25). Этот раздел во многом определяет всю речь: он является кульминацией выступления оратора, который доказывает, что, только удовлетворив его просьбу, судьи могут восстановить справедливость и сами не стать преступниками, презревшими закон. При этом он вообще не опирается на *πίστεις ἄτεχουι*; произносящий речь призывает судей по закону наказать ту, что умышленно убила, хотя, строго говоря, он вовсе не доказал сам факт умышленного убийства. Я думаю, что этот перенос акцента вполне можно рассматривать как самостоятельный риторический приём. Обвинитель призывает судей решить, что в большей мере соответствует их представлениям о справедливости: помогать его мачехе избежать наказания за убийство отца или добиваться расплаты за это убийство (1, 23). На самом деле стороне обвинения необходимо доказать, что предумышленное убийство вообще было, а стороне защиты, соответственно, опровергнуть эти доказательства. В нашем распоряжении есть только одна обвинительная речь из двух положенных, и в ней Антифонт, не имея возможности доказать виновность в убийстве, предоставил своему клиенту доказывать в суде превосходство одной позиции над другой с точки зрения справедливости и благочестия — для доказательства этого в его распоряжении был целый арсенал риторических приёмов, которыми он блестяще пользуется. Мы не знаем итогов этого судебного разбирательства, но у меня нет убедительных оснований предполагать, что такой приём не мог возыметь действия.

После насыщенного эмоциями *amplificatio* Антифонт неожиданно возвращается к аргументу о ложной клятве брата: «В дерзком образе мыслей моего брата меня особенно поражает его клятва, когда он, защищая свою мать, заявил, что ему доподлинно известно, что она не совершала этого. Каким образом кто-либо может доподлинно знать то, при чём сам не присутствовал? Уж конечно не при свидетелях решившиеся на убийство своих ближних обдумывают свои преступные замыслы и готовятся привести их в исполнение, наоборот, они действуют как можно более скрытно и так, чтобы ни одна живая душа не знала» (1, 28). Здесь хочется добавить, что эта скрытность, которую так естественно предположить в злодее, не помешала, однако, обвинителю с такой достоверностью разведать все разговоры, которые его мачеха вела с глазу на глаз со своей помощницей и которые он пересказывает в *narratio*. Впрочем, сосредоточимся на очевидном нарушении принятого порядка речи: зачем Антифонту в самом конце возвращаться к аргументу, которому он уже уделил так много внимания перед изложением событий? Вилаговиц увидел в этом стремление придать речи вид законченного произведения¹⁴. Я думаю,

¹⁴ «Так как эту заключительную часть оратор начал с обращения к стороне противника, а закончил обращением к судьям, то он, вероятно, полагал, что, отсылая к нача-

что, помимо параллели с началом речи, целью Антифонта могла быть и попытка предвосхитить выступление стороны защиты. Если попробовать предположить, каковы были аргументы защитника, то надо прежде всего отметить показания наложницы. Как мы убедились, она, вероятнее всего, не указала на мачеху как на подстрекательницу; в таком случае у стороны защиты есть некоторые основания доказывать суду, что вовсе не было никакого предумышленного убийства. Антифонт же не располагает фактическими аргументами, подтверждающими обратное, и поэтому смещает акценты на рассуждение о справедливости отмщения. Ему необходимо, насколько это возможно, ослабить *πίστεϊς ἄτεχνοι* защитника. Мне кажется, для этого он ещё раз в конце речи обращает внимание судей на то, что клятва брата не может быть правдивой, поскольку брат не был свидетелем того, о чём клянётся. При этом Антифонт рассказывает, что судьи не задумаются о том, каковы в таком случае основания верить и самому обвинителю. Вновь он опирается на силу эмоционального воздействия риторических приёмов. Для этого же в самый конец речи он помещает трогательную сцену своего разговора с отцом, в котором тот якобы поручил ему наказать убийцу: «Это мне, когда я был ребёнком, завещал мой отец во время своей последней тяжкой болезни. Если находящиеся при смерти лишены такой возможности, они пишут завещания, призывают в свидетели своих рабов и им открывают имена убийц. А мой отец это рассказал и поручил, о мужи, мне, хотя я был ещё так юн, а не нашим рабам» (1, 30). Снова нет никаких свидетельских подтверждений того, что этот разговор состоялся; если этот разговор и был, он никоим образом не доказывает факт предумышленного убийства, ведь умирающий отец мог ошибаться в своих предположениях точно так же, как и обвинитель. И тем не менее, слова отца, сказанные сыну на смертном одре, в совокупности с ассоциациями с героями «Орестей» (и прежде всего «Эвменид») Эсхила, которые эта речь навела слушателям, и с рассуждениями о божественных и богопротивных деяниях — всё вместе это не могло не произвести глубокого впечатления и не заставить судей хотя бы сомневаться, какие бы *πίστεϊς ἄτεχνοι* не привела сторона защиты. Вилламовиц таким образом перефразирует заключительные слова обвинителя: «Душа умирающего становится ясновидящей; в смертный час убитый узнает своего убийцу... Итак, за справедливость стою я и Эринии, обитающие в расщелине этой горы: ведь и они задеты тем, что мой брат поступил не так, как Орест, но примирился со своей отцеубийственной матерью»¹⁵.

лу речи (1 и 4), он по крайней мере создаст видимость завершённого произведения»: Wilamowitz 1887, 209.

¹⁵ «Des sterbenden Mannes Seele ist hellsehtig; in der Todesstunde erkennt der Gemördete seinen Mörder... So trete ich denn für das Recht ein und die Erinyen, die in den Schlüften dieses Berges wohnen: denn auch ihnen ist zu nahe gethan, weil mein Bruder

Анализ речи «Обвинение мачехи в отравлении» позволяет не только увидеть в действии некоторые риторические приёмы древнегреческих ораторов — гипотетическую смену ролей, использование отказа другой стороны от процедуры βάσιλος. Прежде всего эта речь свидетельствует о том, что искусство косвенной аргументации развилось уже в эпоху Антифонта, причём развилось до такой степени, что оратор мог построить полноценную судебную речь, не имея в своём распоряжении никаких фактических доказательств. Более того, первая речь Антифонта служит подтверждением того, насколько важную роль играло в древнегреческом суде воздействие на эмоции слушателей: перед нами текст целого судебного выступления, от которого зависит несколько человеческих судеб и в котором апелляция к чувствам судейской коллегии составляет основу всего и определяет использование каждого риторического приёма.

Литература / References

- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Hoffman, D. 2008: Murder in Sophistopolis: Paradox and Probability in the First Tetralogy. *Argumentation and Advocacy* 45, 1–20.
- Kudryavtseva, T. V., Chrustalyov, V. K. 2022: *Sudebnyi protsess v antichnosti* [Litigation in antiquity]. St. Petersburg.
- Кудрявцева, Т. В., Хрусталёв, В. К. 2022: *Судебный процесс в античности*. СПб.
- Schmid, W. 1940: Geschichte der griechischen Literatur. *Handbuch der Altertumswissenschaft* Vol. VII, 3, 1. München.
- Solmsen, F. 1931: *Antiphonstudien: Untersuchungen zur Entstehung der attischen Gerichtsrede*. Berlin.
- Thiel, J. 1927: De Antiphontis oratione prima. *Mnemosyne* N. s. 55 (3), 321–334.
- Thiel, J. 1928: De Antiphontis oratione prima II. *Mnemosyne* N. s. 56 (1), 81–92.
- Wilamowitz-Möllendorf U. von. 1887: Die Erste Rede des Antiphon. *Hermes* 22 (2), 194–210.

nicht gehandelt hat wie Orestes, sondern sich mit der vatermörderischen Mutter versöhnt»: Wilamowitz 1887, 208.